

От Илариона и до Аввакума

Двенадцать книг произведений древней русской литературы, опубликованных издательством «Художественная литература», – это только незначительная часть того, чем могла бы быть представлена великая книжная культура Древней Руси. Однако и этого немногого достаточно, чтобы отметить в ней основные характерные для нее черты.

В свете прочитанного или даже только просмотренного всплывают в изданных книгах черты, над которыми стоит задуматься. Каждая культура обладает своей непреходящей ценностью. Можно лишь отмечать их большее или меньшее своеобразие. Культура Древней Руси, а в ее составе и литература, принадлежит к особому типу. Типы культур нельзя оценивать. Поэтому попробуем только определить самые основные характеристические черты древнерусской культуры.

Нет смысла датировать, ссылаться и перечислять: произведения под рукой в изданных двенадцати томах. Итоги можно подводить не доказывая, а лишь указывая и называя.

Прежде всего отметим ее религиозный характер, а вместе с тем и особую весомость в ней нравственного начала. Этим определяется ее учительный характер и ее ритуальное назначение. Литература в ее наиболее высоких жанрах была как бы распространением «богослужения» на все человечество, «миросозерцанием» на весь мир истории, как ее представляли в средние века, и на все явления обыденной жизни. В своих самых общих проявлениях литература была церемониальным обряжением жизни с точки зрения христианских идеалов, зовом к лучшему, а ее авторы – служителями добра.

Другая характерная черта литературы Древней Руси: это ее своеобразное понимание вечности. К вечности устремлена каждая культура, но вечность в каждой культуре своя, особая. Вечность может пониматься как вечно существующее прошлое (Египет), как вечность настоящего (эпоха Возрождения) или как вечность будущего.

Чехов в «Степи» говорит про русских: «Русский человек любит вспоминать, но не любит жить», т. е. не признает настоящего. Это в известной мере правильно. В Древней Руси не только прошлое, но и будущее заступали собой настоящее. Это было национальное восприятие вечности. Вечность – в прошлом, которую запечатлевают историческая литература во всех ее многочисленных жанрах, и вечность – в будущем, к которому стремится проповедь, публицистика, сатира, пытающаяся исправить настоящее ради идеального будущего.

Развлекательные жанры первоначально отсутствуют и только исподволь возникают и начинают занимать определенное место в XVI–XVII вв. Стремление заинтересовать

сюжетно в сущности остается на втором месте.

Стремление к преображению мира, к созданию идеала святого – вернее, идеалов, – ибо каждые святые – это разные индивидуальности в пределах единой святости! Прославление святых и самой святости, а с другой стороны – осуждение тех, кто противодействует не только святости людей, но и святости Русской Земли – Святой Руси, – единой и вечной.

Понятие «Святой Руси» не предполагает святости на Руси всего и всех. Святая Русь – это только то, что в ней священо, только ее ценная часть – это монастыри, церкви, иконы, мощи святых, ее святые предания и традиции, ее вера, церковная служба... Святая Русь соседствует с Русью грешной, но превозмогает ее своей силой. Это замечательно понял А. Н. Римский-Корсаков в своей опере «Сказание о граде Китеже». Дева Феврония соседствует в ней с Гришкой Кутерьмой. Кое в чем Святая Русь это и «Мать-сыра земля» древнерусского язычества. И еще ближе ей понятие Русской Земли, за целостность которой каждый по-своему боролся в Древней Руси мечом, пером и устным словом, призывая одних князей на княжеский стол и прогоняя других на вечевых сходках или в городских восстаниях.

Отображению в литературе идеала Святой Руси подчинены жития святых, слова и проповеди, исторические сочинения, летописи, хроники, бытовые повести. Все они в той или иной степени имеют своими темами русскую и всемирную историю, все они в той или иной мере отражают события, действительно имевшие место или претендующие на достоверность. Именно вследствие того, что древняя русская литература посвящена Русской Земле, – она глубоко исторична. Но историчность ее, конечно, своеобразная, средневековая.

Литература не всегда идеализирует действительность, но всегда борется за идеал. Она патриотична, поскольку стремится принести Русской Земле добро и святость. Она патриотична и в своих прославлениях, и в своих разоблачениях неправд князей и козней врагов. Литература представляет собой грандиозное судилище над всем совершившимся и совершающимся в мире, своего рода Страшный суд. И она действительно имела огромное влияние на поведение людей, монархов, людей церкви и мирян.

Древнерусское словесное произведение – это прежде всего церемониальное обряжение жизни: слово во славу святого, во славу исторического деятеля, исторического события, слово, посвященное одной какой-либо теме; и слово, столь же церемониально разоблачающее неправду, – это «мирской суд» – суд народный.

Слово означает и то, что мы называем словом как языковой единицей, и слово как

жанр, речь, литературное воплощение определенного сюжета.

Сообщение сведений – второстепенная цель церемониального повествования. Житие Сергия Радонежского, к примеру, – великолепное произведение, словесная симфония, но она дает мало сведений о его жизни. Оно – выражение молитвенного отношения к Сергию.

Всякое произведение о человеке или событии – своеобразная эмблема, герб, символ.

Познание в Древней Руси – это прежде всего словесное определение, словесный аналог, подобранный в Священном Писании или в существующей литературе для того или иного нового события, нового явления действительности. Это поиски нового в прежнем. Отсюда избыточность в литературе всего традиционного, полагающегося по словесному этикету, и поиски в новом уже бывшего, уже имеющего свои словесные определения – в Священном Писании или в богослужебных текстах.

Роль слова, содержательного слова, в древнерусской литературе огромна. И не только слова изолированного, но – словесных сочетаний, словесных формул, традиционных выражений, этикетных словесных оформлений любого передаваемого в литературе события, любой мысли.

Древнерусская культура, как мы уже сказали в начале, принадлежит к иному типу культур, чем культура Европы нового времени. Она не потому не имела университетов, что наука в ней была недостаточно развита, а потому не имела ни науки, ни университетов, что в ней преобладало мифологическое сознание. Мифологическое сознание отражалось прежде всего в самом языке. Слово как таковое и «словесные формулы» имели в нем значение знания и оценки. Если в новое время знание определялось наблюдением и математическим расчетом, то в Древней Руси познание означало прежде всего название явления, соотнесение его со Священным Писанием, с богослужебной литературой.

Древнерусское знание опиралось на словесное определение познаваемого, на нахождение ему в языке привычных традиционных формул. «Препирательство» из-за тех или иных слов, а также «исправления» текстов, особенно богослужебных и Писания, были нормальным явлением для древнерусской культуры. Эти «исправления» текстов возникали то в XIV–XV вв., то в XVI в., то в XVII в. Отсюда не только традиционность формул (воинских, агиографических, летописных и пр.), но и вообще роль обычая, этикета, традиционности в самом повествовании, в «видении мира». С древнерусской точки зрения, нет ничего необычного в жизни, – ему нужно только найти место в священной традиции, в традициях книжности.

При этом слово в древнерусской литературе не только подчинено «этикетности», слово не только вводит обозначаемое явление в некую мифологическую систему, но обладает и оценочным характером. Оценка прежде всего выражается в приобщении или не приобщении рассказываемого, описываемого к «священному миру».

Словарный запас русского литературного языка создан на основе русского разговорного языка и письменного староболгарского, получившего у нас название церковнославянского. Большинство слов, особенно с отвлеченным значением, распространено в дублетах: одно русское – другое однородное церковнославянское. Из них слова церковнославянского языка оценивают обозначаемые ими понятия на наивысшем уровне, как бы освящают их. Русские же разговорные слова того же корня на фоне своих церковнославянских дублетов воспринимаются как эмоциональносниженные.

Южнославянское высокоречие и русское просторечие создают в русском литературном языке как бы два полюса напряжения, позволяющие не просто называть, но и оценивать явления. Примеры известны: город и град, берег и брег, дерево и древо, свеча и свеща. Различие между церковнославянским и русским языком настолько глубоко, что парные однокоренные слова начинают различаться не только по своему эмоциональному строю, но и по смыслу, создавая разные понятия (волочение и влечение, передел и предел и т.д.).

Кроме слов в русский литературный язык проникли из церковнославянского целые фразеологизмы, имеющие как бы освящающий и высокий характер. Священоречие и просторечие!

Благодаря такому двуречию русский литературный язык получил возможность оценивать рассказываемое, придавать содержанию высокий характер, необходимый для этикетного обрамления рассказываемого, основываясь только на типе слова, к которому оно принадлежит.

Оценка и возвышение рассказываемого могли состоять только в выборе слов и выражений. Церковнославянизмы имели очень многочисленные отличия от русской разговорной речи. По ним главным образом и узналось их «высокое служение» в литературном языке.

Конечно, понятие о том, что относить к церковнославянизмам (т. е. староболгаризмам), в разное время менялось, но принцип оставался тем же и эмоционально-церемониальное «звучание» – общим для всех эпох, понятным и нам, несмотря на разделяющее нас время и разность литературных культур.

Впрочем, не следует думать, что главенствующее положение двуречья (я предпочитаю говорить о речи русской и речи церковнославянской, а не о двух языках)

безраздельно господствовало в древнерусской литературе. Русская литература обладала тем, что я называю «стыдливостью формы», стремлением опростить речь, не только следовать литературному этикету и не только создавать церемониальное обряжение действительности, но и разрушать все то, что способствовало церемониальному возвышению передаваемого. Отсюда постоянные поиски новых жанров, заимствования жанров из деловой практики, стремление пародировать устоявшиеся жанры, особенно заметное в XVII в.

Если древнерусский автор сталкивался с чем-то совершенно необычным, он прибегал к перевертыванию старого. Путешествует ли купец Афанасий Никитин в Индию – и он описывает ее как хождение в Святую Землю, но поскольку Индия не «святая», а языческая, он создает своеобразное «антихождение». Сталкивается ли Курбский с необходимостью описать жизнь царя-злодея – и он создает это описание как перевернутое житие – «антижитие», применяет формулы и словесные приемы жития, придавая им обратное значение. Зло – это перевернутое добро, злодеи – перевертыши.

И не таким ли «антипрославлением» бездумного решения новгород-северского князя Игоря выступить в поход является отчасти «Слово о полку Игореве»? «Наниче се времена обратишася» – иначе говоря, вывернут наизнанку («наниче») весь идеал единой Руси...

Русская литература прославляет и учит, следует традиции и обращает традицию в укор настоящему, живописует все доброе и разоблачает все злое. И все это во имя идеального будущего: справедливого к людям и святой Руси.

На ком же лежит ответственность за осуществление идеала в жизни? На отдельных людях! Главный герой древнерусской литературы всегда личность, свободно выбирающая свою судьбу.

Именно через личность автора и его героев пробивается в литературное произведение все новое, что она несет. Личностное начало противостоит обезличивающей традиционности. Противостояние традиционности и личной свободы – это те два полюса, между которыми рождается творчество искусства. Два полюса – диалектика литературы. Между этими полюсами протягиваются силовые линии творчества. Личность выражает в своем произведении народное, национальное, общехристианское начало. Личность в Древней Руси – это творческое проявление традиционно высокого и общего.

И вот что особенно значительно: самовыражение автора осуществляется прежде всего в его произведении, а не в его житейском поведении.

О большинстве авторов, которых мы знаем, мы знаем главным образом через их произведения. Скупые биографические сведения не характеризуют авторов или не

объясняют их как личностей.

Личность авторов реализуется в Древней Руси только в их произведениях, или по преимуществу в них. Поэтому мы так мало знаем об авторах и так редко авторы стремятся назвать себя. Иларион – прежде всего митрополит, Владимир Мономах – князь. Лишь в XVI и в XVII вв. к самореализации автора в его произведении добавляются факты об их жизни: иногда дополняющие то, что уже знаем по их произведениям, но иногда же им противоречащие.

Особый интерес к личности проступает в древнерусской литературе прежде всего в создаваемых ею образах святых – образах крайне своеобразных и одновременно традиционных. Здесь и малолетние князья-мученики (Борис и Глеб), и мученики взрослые (тверской князь Михаил и его боярин Федор), князья-воины (Александр Невский и Довмонт Псковский), иерархи (новгородский архиепископ Иоанн), проповедники и просветители народов (Стефан Пермский) и основатели обителей (Сергий Радонежский, Кирилл Белозерский), главы русской церкви (митрополит Петр, митрополит Алексей), ученые (Максим Грек), противники тирании (митрополит Филипп), патриоты-мученики (патриарх Гермоген), боголюбивая домохозяйка (Ульяния Осоргина), юродивые (Василий Блаженный).

Можно было бы без конца перечислять причисленных к лику святых и просто высокочтимых людей, чья жизнь послужила темой их биографий. Каждый святой – индивидуален, лик каждого из них не похож на лик другого.

Культура Руси, а затем России была вся завязана в тесный узел вокруг проблемы личности, личностного начала.

Личность требует наличия вокруг себя других личностей, обращенных к ней или ей противостоящих. Личность, замкнутая в себе, – не реализованная сущность. Обращенность личности к окружающему, к обществу, к государству, к природе создает «лицо личности», внешний образ личности. Зло не создает лица – только личину, маску, разоблачаемую скоморохами.

На Руси получилось так, что личностное начало постоянно противостояло государству. А в государстве основным оказывалась все ж таки личность его главы – князя, царя, иерарха церкви.

Весь период от татаро-монгольского нашествия может быть назван вечевым. Князей призывали на княжение, прогоняли, выражали недовольство ими или, напротив, одобрение, прославляли и канонизировали.

Свобода отношения к государству регулировалась только идеей единства Руси, требованиями справедливого объединения в рамках родового княжения.

Споры между князьями шли главным образом за право возглавлять единый род Рюриковичей. Народ же разделял свои симпатии между князьями главным образом по их семейным традициям: по политике дедов и прадедов. Так в летописях, так и в «Слове о полку Игореве»...

В период татаро-монгольского ига и особенно под конец его – в XIV и в XV вв. – получила развитие идея киевского наследия в государственной, церковной и культурной жизни. И опять идея национальной свободы вступила в связь с идеей традиции. Литература и фольклор(киевский цикл былин) боролись за свободу Руси под знаменами следования традициям домонгольской национально свободной Руси. Летописи, с киевской «Повестью временных лет» во главе каждой из них, играли первостепенную роль в возрождении традиций независимости.

Когда в XVI в. определилась независимость Руси от иноземного владычества, государство выступило в сознании людей в качестве угнетателя собственного народа и возникло движение казачества: крестьян, убежавших на юг в степи и на восток за Уральский хребет, на Север в леса.

Народ предпочитал жить вне государственной системы на окраинах, несмотря на постоянные опасности нападения извне. Но и в этих условиях не забывались интересы единства Русской земли. Ермак во главе казачьей вольницы присоединил на востоке Сибирь к Русскому государству, а через несколько десятилетий на юге казаки тщетно пытались присоединить к Москве героически обороняемый ими от турок Азов.

Земские соборы и огромные бунты знаменовали собой борьбу за свободу выражения своего мнения, своей воли. И литература в самой властной форме отражала эту борьбу русского народа за свободу.

Сопrotивление татарам часто приобретало независимый от государства характер. И в обороне Русской земли народ шел впереди государства.

Во всех этих противоречиях народа государству реализовалось личностное начало. Но личностное начало стало усиленно развиваться и в той публицистической и политической литературе, которая появилась с конца XV в. Личность автора реализовалась в авторском окружении, в борьбе мнений и борьбе общественных идеалов. Полемика вошла в плоть и кровь русской литературы.

Но крайности порождают другие крайности. Страстные поиски свободы часто переходили в деспотическое навязывание своих убеждений другим. Но эта другая крайность не породила подлинно великих произведений: поляризованность русской литературы асимметрична.

В силу настойчивого стремления к идеалу в древнерусской литературе имеют такое

значение призывы, увещевания, обличения, а в XVII в. – сатирическое высмеивание недостатков не только самих по себе, не отдельных, а в совокупности: греховности мира в целом.

Авторы в древнерусской литературе – глашатаи некоей вне их, над ними находящейся правды. Они как бы излагают не свое мнение, а истину, как бы живущую в обществе. Именно поэтому, в силу своей не терпящей возражений требовательности, древнерусские авторы невольно создали некую мифологию о русском народе и о князьях как якобы не подчиняющихся общей морали, «несущих розно» Русскую землю. Призывая к сопротивлению злу, древнерусские авторы невольно создавали представление о русском народе как о пассивном, бездейственном, привыкшем к подчинению, нуждающемся в приказаниях сверху. Миф нового времени о пассивности русского народа – это парадоксальный результат огромной общественной активности литературы Древней Руси. Призывая к активности, она упрекала читателя в пассивности.

Русская литература – и древняя, а за ней и новая – носит учительный характер, то есть она не просто создает свой особый мир, но стремится исправить существующий. Она активна, и в ней ярко выражено пророческое начало: исходя из обличения настоящего, указать цели и опасности в будущем.

Призывы литературы к исправлению действительности предполагают уверенность ее авторов в свободе человека, в наличии у него выбора между добром и злом. Это противоречие, создаваемое литературой, – человек пассивен и человек свободен – смягчается и оправдывается тем обстоятельством, что человек в представлениях своего времени не просто пассивен, а скорее недостаточно активен. Он свободен, но не просто свободен, а недостаточно свободен. Авторы пробуждают в человеке совесть, веру в добро, призывают к действиям в защиту правды.

Культура движется вперед своими идеалами, сущностной стороной своего бытия. Те или иные противоречащие ей отдельные проявления не изменяют сущность, а затрагивают лишь проявления культуры.

Высокие идеалы Древней Руси не могли полностью воплотиться в жизни именно потому, что были высокими. Факты, противоречащие этим идеалам и отмечаемые литературой, подтверждают наличие этих идеалов.

Корыстолюбие, стремление к власти, жестокость имеют место во всяком обществе. Они становятся проявлениями характера культуры народа только в том случае, если они в какой-то мере проистекают из «оборотной стороны» тех идеалов, которыми живет культура.

Казачество XVI и XVII вв.— проявление стремления людей России к свободе,

независимости от государства, заставившее искать эту свободу за его пределами. Но казачество было настолько крайним проявлением стремления к свободе, что оно повлекло за собой его насилие над другими людьми. Ища свободы и двигаясь на Восток и Север, казачество покоряло себе другие народы и «подносило» завоеванные земли с населявшими эти земли народами государству, от которого само бежало. Отсюда и стремление к свободе и стремление к насилию: поляризованность характера народа.

Итак, борьба за личностное начало в человеческом обществе началась в Древней Руси. Она выражалась главным образом в отказе от всех материальных благ. И этот отказ был настолько сильно развит в русском человеке, что во времена, когда религия так или иначе отступила на второй план (прежде всего уже в XIX в.), этот отказ от материальных ценностей, лишившись своих духовных оснований, перешел в бесшабашность русского человека, в веру в «авось и небось», в способность к отказу от материальных благ «просто так». К этому же времени отхода от религиозного бескорыстия относится и появление бескорыстия идейного – тоже по-своему религиозного.

Когда идея Бога перестала быть доминирующей в жизни, человек, которому была привита способность к самоотречению, стал способен к самоотречению во имя идеала. Идеалом стала революционная цель – всеобщего равенства. При этом сама идея Бога начала вызывать ожесточение, почти религиозное отрицание. Атеизм стал религией и потребовал такого же самоотречения, какого требовала в свое время сама настоящая религия. Возникает бескорыстие революционеров, шедших на каторгу, революционный героизм, а иногда и бескорыстие во имя мелких целей и призрачных принципов. Традиции и особенности Древней Руси переходили в деформированном виде к России новой.

Способность к самоотдаче была воспитана еще в Древней Руси. И она, конечно, свидетельствовала о внутренней свободе личности русского человека, как одновременно и о его внутренней несвободе в тех случаях, когда он не мог отказаться от навязанных самому себе принципов.

Свобода обнаружения человеком своих душевных сил, лишившись своих духовных корней, переходила в бесшабашность. И эта бесшабашность не давала порой возможности человеку приблизиться к личному достоинству, воспитать в себе это личное достоинство.

Личное совершенство дается не только внутренней свободой, но и реализуется в потребностях души в чем-то значительном. Личное, человеческое достоинство стало реализоваться еще в Древней Руси и реализовалось тогда еще в народе с большей силой, чем в новое время. Один из путей этой реализации лежал через литературу, через творчество: творчество крестьянина, охотника, рыболова, ремесленника, купца и т. д. Творчество в любом труде делало человека Древней Руси ощущающим свое достоинство,

свою уверенность в себе, привычку ощущать себя хозяином своих поступков.

В Древней Руси, особенно в позднее время (XVII в.), начал происходить разрыв выработанной исторической системы с ее «идеальным содержанием», – разрыв, отмеченный все большим вторжением в литературу «реалистических» (или натуралистических) элементов. Особенно резко этот разрыв давал себя знать в демократической литературе – «демократической сатире» XVII в. И характерно, что эта сатирическая литература впервые начинает свидетельствовать о наличии в обществе классового и сословного разделения – о культурном разрыве демократических слоев общества с литературой верхних слоев населения. До того литература была в своем целом обязательной для всех православных, всех слоев общества.

Отрыв от единой системы регулятивных идей неизбежно тянет часть литературы к возрождению примитивного язычества, роднит литературу со скоморошеством, насмешкой над системой церковного мира, проявляется в появлении «перевернутого», вывернутого наизнанку мира в смеховой литературе.

Характерные для творчества Аввакума «реалистические» и смеховые элементы заставляли его и его последователей удаляться от официального мира, созданного в течение веков церковным сознанием. Бегство староверов в пустыню северных лесов, в стихийную природу было естественным следствием не только гонений на староверов, но в известной мере их собственным возвращением к природе, распадом системы иерархических ценностей, которые воспринимались ими как бы по частям, представляя в их сочинениях пестрое соединение просторечия с церковнославянизмами, разговорных идиоматических выражений с «этикетными формулами» прежней древнерусской литературы.

«Природный» язык, декларируемый протопопом Аввакумом, требовал и окружения девственной природы, ухода из мира культуры. Этот разрыв с традиционной культурой давал возможность реализации личности. Аввакум – первая исключительная по выразительности личность в русском письменном творчестве. Это своеобразный авангардист (ибо авангардист XX в. тоже стремится разорвать традиционные связи и вернуться к природе).

Петр Великий, стоявший не только при рождении новой русской литературы, но и при кончине древней, активно способствовал отмиранию последней главным образом тем,

что подхватил традицию сатир XVII в., сочиняя шуточные обряды избрания и поставления «Князь-Папы Сумасброднейшего Всепянейшего собора», различные шуточные грамоты, отписки, росписи церемониалов, возгласения и т. д., создавая свой шутовской язык, шутовские титулы и прозвища, разрушавшие древнерусскую традиционную иерархическую систему жизни.

Традиции древней русской литературы, особенно традиции официального языка, тем не менее не ушли целиком из русской жизни. Они ушли по преимуществу из самой литературы, но остались в официальном языке.

Сохранилось стремление к официальным обозначениям официальных понятий, к церемониальному обряжению различных постановлений. Сохранились штампы в языке официальных выступлений и т. д. Споры из-за слов, выражений, принятых в официальном языке, – все это тоже остатки глубокой древности.

Беда в том, что это словесное отражение жизни, стремление к познанию через слово выродилось в новое время, а особенно в нашу эпоху в склонность официальной терминологией перекрывать жизнь. Слова стали на место жизни!

В Древней Руси литературная фразеология была подчинена мировоззрению по своему глубокому и богатому. Когда из слов ушло содержание – обеднели и сами слова, – слова выродились в вязкую политическую терминологию. Словесная символика, лишившись своей связи с религиозным содержанием, перешла в политическую терминологию.

Импульсы, даваемые древней культурой, не пропадают. Они могут только иногда идти вкривь и вкось, но добрые импульсы сохраняют свою добрую направленность. Отвергая выхолощенную словесную форму, литература нового времени восприняла от древнерусской ее учительный характер, ее нравственную основу и ее «философичность», т. е. соединение философии с общими явлениями культуры – искусством, наукой и пр.

Литература нового времени сохранила самое ценное, что было в литературе Древней Руси: высокий уровень нравственного начала, интерес к мировоззренческим проблемам, богатство языка. «Стыдливость формы» отразилась в литературе постоянными поисками новых способов выражения содержания, недовольством главенствующими направлениями (отсюда отсутствие в русской литературе XVIII–XIX вв. «чистых» видов классицизма, романтизма, реализма), обострением чувства авторской индивидуальности и сохранением в литературе особого интереса к человеческой личности, даже самой ничтожной («Повесть о Горе-Злочиствии», безымянный молодец которой сродни Акакию Акакиевичу в повести Гоголя «Шинель»).

Любовь к родине, питавшая собой в Древней Руси и радость и боль, и гордость и

стыд, и действия в защиту добра и противодействие злу, и стремление заимствовать все лучшее у других народов и одновременно сохранять свое, национальное, и склонность к традиционности и жажду нового, постоянные поиски перемен,— все это было великой славой древней русской литературы, создавшей добрую почву для расцвета литературы новой.

По существу все произведения древней русской литературы благодаря единству своей направленности и приверженности к исторической основе («историзму») представляли собой в совокупности единое огромное произведение – о человечестве и о смысле его существования.

Когда-нибудь, когда русские читатели станут больше интересоваться своим прошлым, – величие литературного подвига русской литературы станет для них совершенно ясным и невежественное охаивание Руси сменится осведомленным уважением к ее нравственным и эстетическим ценностям.

Источник: Памятники литературы Древней Руси: XVII века. Книга третья. М., 1994. С. 620-630.